

Прошло два дня, и когда Сунь Цзинь снова пришёл в кондитерскую, Тан Минь как раз лепил пончики. Тан Минь поднял взгляд из-за прозрачной стены рабочей зоны, на секунду замер, затем снял перчатки, вышел к горю и спросил:

— Что с тобой?

Сунь Цзинь молча дошёл до прилавка и снял защитную маску.

— У тебя рот...

Увидев, что Сунь Цзинь донельзя странно укутан в рубашку с длинными рукавами и маску, Тан Минь уже испытал недоумение, а теперь, когда Сунь Цзинь обнажил лицо и взору предстали раны на губах, Тан Минь вытаращил глаза от изумления:

— Что случилось?

— Заболел, — Сунь Цзинь прошёл в рабочую зону, взял фартук и надел его. Собираясь по привычке закатнуть рукава, он споткнулся, чуть сильнее натянул манжеты вниз, тщательно скрывая следы на запястьях, и проговорил: — Сильно поднялась температура, даже губы потрескались.

— Прошло всего несколько дней, как тебя угораздило дойти до такого? — Тан Минь нахмурился. — Точно справишься? Может, отдохнёшь ещё пару дней?

— Всё в порядке, я уже выздоровел, — Сунь Цзинь улыбнулся ему. — Не переживай, я не заразен.

Тан Минь тоже улыбнулся:

— Смотри мне, не вздумай врать.

А ведь я как раз мастер врать, подумал про себя Сунь Цзинь.

Врать другим, что со мной всё хорошо, и врать самому себе, что просто жить — уже неплохо.

Ниже его запястий скрывались не только следы от наручников, но и порез.

Сунь Цзинь хотел умереть в материнской комнате, он не желал испускать дух на том самом чердаке — кладбище его достоинства и морали.

Прислонившись к материнской постели, в тот самый момент, когда острое ножа вонзилось в

кожу, Сунь Цзинь вдруг вспомнил, как несколько лет назад после занятий пришёл в больницу навестить мать и не обнаружил её на больничной койке. Толкнув дверь туалета, он увидел залитый кровью пол: мать полулежала у униформа, зажав в руке канцелярский нож, и, прикрыв глаза, слабо улыбнулась ему.

Впервые Сунь Цзинь так отчётливо осознал, что человеческая кровь может быть такой алой и густой.

Медсестра тогда говорила: если неудавшийся самоубийца режет вены слишком глубоко и повреждает нервы, в любой дождливый день эта рука будет болеть так, что человек горько пожалеет о содеянном.

Тогда Сунь Цзинь спросил мать: «Тебе не страшно?»

Мать посмотрела на него и ответила: «Страшно. Но почему-то вдруг стало так жаль расставаться с жизнью».

Капля за каплей кровь стекала на пол, а Сунь Цзинь, прильнув к краю кровати, беззвучно ронял слёзы. Он не был уверен, жаль ли ему с чем-то расставаться, но ему было до жути страшно — стоило лишь осознать, что смерть действительно может наступить, как им овладевал ужас.

В какой-то момент Сунь Цзинь порывался взять академический отпуск и навсегда сбежать из этого города, но он уже учился на третьем курсе. Ещё семестр — и можно отправляться на поиски стажировки в другом регионе, иначе все его старания пойдут прахом, а кошмар старшей школы окажется напрасным. Чувство безопасности было ему так дорого, клочок бумаги с дипломом значил для него слишком многое. Раз уж он решил жить стиснув зубы, то должен вытерпеть всё, ради чего столько трудился.

Изначально он планировал поступать в магистратуру, поскольку специальность геодезиста и картографа практически всегда требует ученой степени для хоть какого-то карьерного роста. Сунь Цзинь долго колебался между продолжением учебы и началом работы, но теперь мог принять решение мгновенно: он больше не хотел в магистратуру, он хотел как можно скорее начать работать и уехать отсюда.

Сунь Цзинь обратился к куратору с просьбой разрешить ему вернуться в университетское общежитие. Стоит перетерпеть всего один семестр, и он сможет искать место для стажировки за пределами города. Он предполагал, что после окончания Сунь Синланем школы Сунь Сянпин с большой долей вероятности отправит того за границу, и тогда всё наладится. Обязательно наладится.

Какая ирония: истинная жертва даже не имеет шанса на протест и крик о помощи, она лишь из последних сил ломает голову над тем, как сбежать и замести следы, утешая себя иллюзией, что всё образуется, и возлагая надежды на спасение в виде добровольного или вынужденного отъезда мучителя.

Более того, не каждая жертва подвергается жестокости со стороны собственного младшего брата. Из-за этих родственных уз и запутанных клубков семейных отношений любые порывы неизменно угасают, и в конце концов всё оборачивается лишь бесполезной внутренней борьбой.

Сунь Цзинь быстро перебрался в студенческое общежитие. Днем он ходил на пары, выезжал с потоком на геодезическую практику или подрабатывал в кондитерской, а вечерами возвращался в комнату, обрабатывал данные и делал задания. Поскольку место выделили внепланово, его подселили к парню с другого факультета: в четырехместном блоке жили вдвоем, так что было довольно просторно. Сосед не отличался особой обходительностью, но оказался весьма приятным в общении.

В этот день около полудня, отсидев лекцию, Сунь Цзинь столкнулся в коридоре с соседом, чья пара проходила на том же этаже. Они вместе спустились вниз, планируя пообедать перед возвращением в комнату на дневной отдых.

Однако они еще не успели преодолеть широкую лестницу, как Сунь Цзинь заметил у цветочной клумбы припаркованную машину. Возле автомобиля стоял Сунь Сянпин и махал ему рукой.

Рядом с ним находился Сунь Синлань.

Как раз наступил час пик — перерыв между занятиями. Сунь Синлань, облаченный в школьную форму, непринужденно прислонился к машине под лучами раннеосеннего солнца, привлекая всеобщее внимание своим дерзким видом.

Они с Сунь Сянпином действительно были родными отцом и сыном: манеры и властный напор совпадали до мельчайших деталей. Но если в Сунь Сянпине сквозила солидная авторитетность, то от Сунь Синлania исходила чистая, бесцеремонная холодность, ничуть не уступающая отцовской.

По сравнению с ними Сунь Цзинь чувствовал себя существом из совершенно другого мира: кроме мимолетного внешнего сходства, между ними не было ничего общего.

Отец и младший брат стояли совсем близко, но у Сунь Цзиня от ужаса занемело всё тело и выступил холодный пот. Когда взгляд Сунь Синлania пронзил толпу и столкнулся с его глазами, Сунь Цзинь едва не оступился на ступеньках от накатившего оцепенения.

Те двое безумных дней до сих пор стояли перед глазами. До боли врезавшись ногтями в ладони, Сунь Цзинь заставил себя вернуться в реальность.

— Приехал отец, — выдавил он пересохшими губами. — Я не смогу с тобой пообедать, иди.

— Хорошо, — сосед хлопнул его по плечу. — Тогда я побежал.

— Угу.

Шаг за шагом Сунь Цзинь дошел до Сунь Сянпина.

— Пап.

— Мм, — улыбнулся тот. — Я заезжал к профессору Чжоу, привел Синланя обсудить вопросы с учебой за рубежом. Увидел расписание вашего факультета и подумал: вдруг удастся пересечься? И надо же, повезло.

На самом деле Сунь Цзинь едва ли вслушивался в слова отца — в голове застряло лишь одно слово: заграница.

Сунь Синлань действительно уезжает.

Давящий зной на мгновение показался чуть менее удушливым. Ладони Сунь Цзиня взмокли, ему безумно хотелось спросить, когда именно Сунь Синлань собирается уехать.

— Пойдем пообедаем вместе, — предложил Сунь Сянпин. — Ты теперь живем в городе, мы так давно не собирались всей семьей.

Сунь Цзинь не знал, чем именно завершился тот скандал, который устроил Сунь Синлань на банкете, но раз они с Сунь Сянпином до сих пор мирно стояли бок о бок, в каком-то смысле это доказывало, что их отцовско-сыновние узы ничуть не пошатнулись. Быть может, они все последние десять лет так и общались, а та ночь была лишь проявлением излишней горячности.

Побелев губами, Сунь Цзинь кивнул. Он знал, что в данной ситуации не сможет отказаться.

Юань Я поблизости не наблюдалось. Если Сунь Цзинь не ошибался, сейчас Сунь Сянпин жил с Юань Я, а Сунь Синлань обитал один.

И он действительно не ошибся, потому что Сунь Сянпин тут же произнес:

— Сяо Цзинь, почему это ты вдруг съехал в общежитие? Перебирайся-ка обратно. Синлань сейчас один в квартире, места пустующего полно.

— Не нужно, — ответил Сунь Цзинь.

Вернуться жить под одну крышу с Сунь Синланем — всё равно что угодить в ад. Раньше, когда Сунь Синлань просто скверно к нему относился, Сунь Цзинь едва выносил это и отчаянно рвался прочь; теперь же, после всего, что между ними произошло, он не смог бы ступить туда

и шагу.

— Ты ведь уже на третьем курсе, — Сунь Сянпин положил ему в тарелку кусок свиных ребрышек на косточке. — Я тут присмотрел для тебя квартиру, недалеко от дома, тоже особняк. Выберешь время на днях, съездим посмотрим. Если понравится — возьмем, сделаем ремонт, и до окончания университета сможешь переехать.

Сунь Цзинь вновь холодно отказался:

— Не нужно.

— Ты что такое говоришь? — Сунь Сянпин нахмурился. — Я еще когда ты в старом доме жил хотел это сказать, а ты взял и в общагу перебрался. Куда это годится?

Сунь Цзинь отчаянно хотел сказать ему в лицо: я просто хочу быть как можно дальше от вас.

Но хватило сил лишь на натянутую улыбку и мягкий отказ с отсрочкой на будущее:

— Правда, не стоит. Я пока об этом не думаю, давай потом, ладно?

Сунь Сянпин помолчал пару секунд и вздохнул:

— Эх, ну и характер у тебя.

Сунь Синлань молчал на протяжении всего обеда. Сунь Цзинь старался даже боковым зрением не цеплять его, лишь тупо уставившись в тарелку, однако каждая секунда казалась невыносимой пыткой. Наконец он отложил палочки и сказал:

— Пап, я наелся. Во второй половине дня пары, я возвращаюсь в университет.

— погоди, я тебя подброшу.

— Не надо, тут совсем близко, я сам дойду, — Сунь Цзинь подхватил рюкзак со стула. — Я пошел.

— Ну ладно, будь аккуратнее на дороге.

Выйдя из отдельного кабинета, Сунь Цзинь закрыл глаза и шумно выдохнул. Каждая секунда в присутствии Сунь Синлани ощущалась так, будто он сидит на раскаленных углях.

Он зашел в уборную: во время обеда на руки брызнул соус, и хотя салфетка убрала главное, запах оставался, поэтому захотелось вымыть руки с мылом.

Стоило Сунь Цзиню вытянуть бумажное полотенце, как дверь туалета распахнулась. Увидев вошедшего, Сунь Цзинь смертельно бледный отшатнулся на два шага назад, мертвой хваткой вцепившись тонкими белыми пальцами в лямки рюкзака — воплощение чистого, животного страха.

— Даже от квартиры отказываешься? — шаг за шагом приближаясь к нему с бесстрастным лицом, процедил Сунь Синлань. — А что тебе нужно? Акции?

Губы Сунь Цзиня задрожали, вступать в любой диалог с ним не было ни малейшего желания. Он переступил ногами в сторону, намереваясь обойти Сунь Синланя и добраться до двери, но тот резко схватил его за воротник и вжал спиной в створку кабинки.

Удар спиной о дерево вышел глухим и тяжелым. Если бы не рюкзак за плечами, Сунь Цзинь сомневался, что его лопатки отделались бы без синяков.

— Слышал, я улетаю за границу, — Сунь Синлань склонил голову, в упор глядя на него. — Обрадовался?

— Пошел к черту, — сквозь зубы выдавил Сунь Цзинь. — Пусти.

Не успело затихнуть это слово, как Сунь Синлань впился зубами в его губы.

Сунь Цзинь глухо застонал, кровь прилила к голове. Хотя двое суток мучений обошлись без единого поцелуя, Сунь Цзинь почти забыл тот пропахший кровью поцелуй в лестничном пролете, ставший первой поворотной точкой их извращенных отношений.

Он изо всех сил стиснул зубы, пытаясь преградить путь чужому вторжению, но из-за разбитых в кровь губ невольно выдохнул от боли. Стоило языку Сунь Синланя коснуться его собственного, как Сунь Цзинь без колебаний укусил в ответ.

Но Сунь Синлань внезапно вскинул голову, дернул Сунь Цзиня за воротник, подтягивая ближе, распахнул дверь кабинки и втолкнул его внутрь.

— Сунь Синлань... — голос Сунь Цзиня звучал глухо, угрожающе, но мелко и заметно дрожал.
— Хватит сходить с ума!

Сунь Синлань защелкнул замок обратным движением руки, с почти хищным упорством сорвал с Сунь Цзиня рюкзак и, прижав того животом к крышке унитаза, принялся стягивать с него штаны сзади.

— Сунь Синлань! — Сунь Цзинь одной рукой уперся в бачок, а вторую согнул в локте, пытаясь ударить преследователя. — Пошел ты к черту, ублюдок!

Увернувшись от удара, Сунь Синлань облизал пальцы, засунув их себе в рот, после чего без прелюдий втолкнул их в межъягодичную складку Сунь Цзиня. Загнанного намертво прижатым спиной к бачку парня перекосило от резкого и явственного вторжения. В низком, угрожающем голосе Сунь Синланя слышалось предупреждение:

— Заори погромче, чтобы каждый зашедший в туалет знал, что тебя сейчас трахают.

— М-ах... — Сунь Цзинь приоткрыл рот, закинув голову. — Умоляю...

— О чем умолять? — вытащив пальцы после грубой растяжки, Сунь Синлань приспустил школьные брюки и уперся твердым, горячим членом, а хриловатый шепот обдал кожу: — Умолять, чтобы я тебя вытрахал?

Жжение, распирающее, боль — все ощущения перемешались, сплетаясь в единый узел, что медленно и неумолимо расплзалось по всему телу. Сунь Цзинь отчаянно ловил ртом воздух, ноги дрожали. И в этот самый момент до слуха отчетливо донеслись голоса.

— Только что пообедал с обоими сыновьями, в компании буду около двух часов дня, передай помощнику, пусть всё подготовит.

Голос был до боли знакомым — это говорил их отец, Сунь Сяньпин.

Тот, должно быть, и в страшном сне не мог представить, что два сына, с которыми он только что трапезничал, находятся в какой-то из туалетных кабинок: младший прижимает старшего за поясницу, грубо вторгаясь в его тело.

Мозг Сунь Цзиня окончательно заволокло туманом. Бессмысленно вытаращив глаза и приоткрыв рот, он остекленевшим взглядом уставился на сливной бачок. Ситуация практически не отличалась от того, если бы Сунь Сяньпин застал их лично — их разделяла всего одна тонкая дверь, и стоило Сунь Цзиню издавить хоть звук, отец непременно услышал бы.

Но именно в этот миг Сунь Синлань с умышленной жестокостью совершил тяжелый, глубокий толчок снизу вверх. Закусив губу до крови, Сунь Цзинь с дрожащими пальцами нажал на кнопку слива.

Он часто дышал под шум льющейся воды, пока постыдное, разъедающее кости наслаждение сплеталось с болью. Сквозь хрупкую преграду двери его отец стоял совсем рядом; чувство морального падения достигло предела, у Сунь Цзиня не осталось даже способности плакать — лишь беспросветный стыд и отчаяние.

— Брат, когда тебе страшно, сзади становится безумно узким.

Стук сердца, шум воды, прерывистое дыхание, звон в ушах, звуки трения — когда все чувства утонули в какофонии звуков, Сунь Цзинь услышал хриплый шепот Сунь Синланя прямо над ухом.

Тот называл его братом исключительно во время соития, чтобы усилить унижение и пытку, хотя происходящее между ними едва ли заслуживало называться любовью — спаривание диких зверей выглядело куда более естественным.

Сунь Сянпин вымыл руки и ушел. В тесной кабинке продолжало звучать переплетенное тяжелое дыхание, а в горле Сунь Цзиня, сдерживаясь, глухо и надрывно рождались обрывистые всхлипы в такт движениям Сунь Синланя.

Внезапно Сунь Синлань снова заговорил:

— Сунь Цзинь, ты вообще сможешь после этого заниматься любовью с кем-то еще?

Сунь Цзинь не ответил. Он просто закрыл глаза, гадая, есть ли у него вообще хоть какое-то «после».

<http://bllate.org/book/22345/2341093>